

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

СТЕНДАЛЬ

Оноре де **БАЛЬЗАК**

Ги де **МОПССАН**

Эмиль **ЗОЛЯ**

Любовь по-французски

Собрание лучших рассказов

Москва

ЭКСМО
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Л93

Перевод с французского

Разработка серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

Л93 **Любовь** по-французски : собрание лучших рассказов : [перевод с французского]. — Москва : Эксмо, 2015. — 608 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-78998-6

Новеллы о любви, о преступлениях и подвигах, на которые толкает человека страсть, истории пикантные, трагические и трогательные. Изменчивость морали и отношения к любви — в сборнике романтических рассказов французских авторов XVI—XX веков.

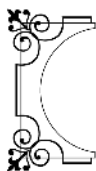
«Могут ли существовать различные степени, когда находишься во власти любви? Можно ли судить, хорошо ли ты любишь или дурно? Очень любить — как это мало! Когда любишь — просто любишь, не более, не менее. Это не нуждается ни в каких дополнениях. Сверх этого слова невозможно ничего ни придумать, ни сказать. Оно кратко, оно самодовлеюще. Оно становится телом, душою, жизнью, всем существом. Его ощущаешь, как теплоту крови, вдыхаешь, как воздух, носишь в себе, как Мысль, потому что оно становится единственной Мыслью. Кроме него, ничего не существует».

Tu de Monaccan.

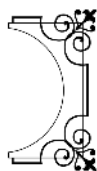
УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

- © И. Волевич, перевод, 2015
- © Я. Лесюк, перевод. Наследники, 2015
- © Э. Линецкая, перевод. Наследники, 2015
- © Н. Немчинова, перевод. Наследники, 2015
- © Д. Лившиц, перевод. Наследники, 2015
- © С. Тартаковская, перевод. Наследники, 2015
- © Г. Рубцова, перевод. Наследники, 2015
- © А. Федоров, перевод. Наследники, 2015
- © К. Варшавская, перевод. Наследники, 2015
- © Е. Лопырева, перевод. Наследники, 2015
- © И. Татаринов, перевод. Наследники, 2015
- © Э. Шлосберг, перевод. Наследники, 2015
- © Т. Хмельницкая, перевод. Наследники, 2015
- © А. Смирнов, перевод. Наследники, 2015
- © Е. Гунст, перевод. Наследники, 2015
- © Е. Бирукова, перевод. Наследники, 2015
- © И. Шафаренко, перевод. Наследники, 2015
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78998-6

СТО НОВЫХ НОВЕЛЛ

НОВЕЛЛА XXXI

Рассказана монсье́ром де ла Бард

Некий нашего королевства дворянин, оруженосец славный и с громким именем, живучи в Руане, влюбился в одну красавицу и всячески старался войти к ней в милость. Но Фортуна столь была ему супротивна, а дама так к нему нелюбезна, что под конец, как бы отчаявшись, прекратил он свои домогательства. И, может статься, не так уж он был не прав, ибо дама этот товар забирала в другом месте, а он не то чтобы знал об этом доподлинно, однако же слегка догадывался.

Все же тот, кто ею услаждался, знатный рыцарь и человек многомошный, был так к оному оруженосцу близок, что вряд ли скрыл бы от него что-либо, кроме этого дела. Правда, часто он ему говорил:

— Знай, друг мой, что в здешнем городе есть у меня зазноба, от которой я совсем без ума; ибо когда я так устану в пути, что силой меня не заставишь паршивенькой мили проехать, так стоит мне с нею остаться, как я проскачу три или четыре, а из них две без передышки.

— А не позволите ли вы мне обратиться к вам с мольбой или челобитной, чтобы только мне узнать ее имя?

— Нет, честное слово, — отвечал тот, — ничего больше ты не узнаешь.

— Ладно же, — сказал оруженосец, — ежели впредь залучу лакомый кусочек, так буду так же скрытен с вами, как и вы со мной неоткровенны.

И настал день, когда добрый тот рыцарь пригласил оруженосца отужинать в Руанском замке, где сам прожи-

вал. Тот явился, и они отлично потрапезовали, но когда ужин кончился и они еще немного побеседовали, благородный рыцарь, который в назначенный час должен был отправиться к своей даме, отпустил оруженосца и сказал:

— Вам известно, что нас завтра ждет большая работа и что надо нам рано встать ради такого-то дела и еще ради такого-то, которые надлежит завершить. Лучше нам будет пораньше лечь спать, а посему желаю вам доброй ночи.

Оруженосец, хитрый от природы, сразу догадался, что добрый рыцарь собирался пройтись по такому делу и для того лишь прикрывается завтрашней работой, чтобы его спровадить, — не подал виду, а только сказал, прощаясь с рыцарем и желая ему доброй ночи:

— Ваша правда, монсеньор. Встаньте завтра пораньше, и я поступлю так же.

Спустившись вниз, наш добрый оруженосец увидел у дворцовой лестницы маленького мула; а кругом не было никого, кто бы того мула сторожил. Тотчас же сообразил оруженосец, что встреченный им на лестнице паж пошел за хозяйским чепраком, да так оно и было.

— Ого! — сказал он про себя. — Не без причины отпустил меня хозяин в столь ранний час. Вот его мул только и дожидается, пока я уберусь, чтоб отвезти своего хозяина туда, куда меня не хотят пускать. Эх, мул, мул, — продолжал он, — ежели бы ты умел говорить, сколько бы ты хороших дел порассказал. А теперь отведи меня, пожалуйста, туда, куда собирается твой хозяин.

И с этими словами он велел своему папу поддержать стремя, вскочил в седло, отпустил поводья и предоставил мулу трусить рысцой, куда ему заблагорассудится.

А добрый мул повез его из улочки в переулочек, то вправо, то влево, покуда не остановился перед маленькой калиткой в косом тупичке, куда обычно ездил на нем хозяин; а это был вход в сад той самой дамы, которую оруженосец так долго обожал и с отчаяния бросил.

Он сошел с мула и легонько постучался в калитку; тут какая-то девица, караулившая за оконной решеткой, спустилась вниз и, думая, что это рыцарь, сказала:

— Добро пожаловать, монсеньор: вот госпожа ожидает вас в горнице.

Она не опознала его, потому что было темно, а он прикрыл лицо бархатной полумаской. И добрый оруженосец ответил:

— Иду к ней.

А затем шепнул на ухо своему пажу:

— Иди скорее и отведи мула туда, откуда я его взял, а затем отправляйся спать.

— Будет сделано, монсеньор, — отвечал тот.

Девушка заперла калитку и вернулась в свою комнату.

А наш добрый оруженосец, крепко раздумывая о своем деле, уверенной поступью идет в горницу к даме, которую он застал уже в нижней юбке и с толстой золотой цепью вокруг шеи. И так как он был любезен, вежлив и очень учтив, то отвесил ей почтительный поклон, а она, изумившись, точно у нее рога выросли, сперва не знала, что ответить, но наконец спросила, что ему тут нужно, откуда он в такой час явился и кто его впустил.

— Сами можете догадаться, сударыня, — сказал он, — что не будь у меня иного помощника, кроме меня самого, то мне бы ни за что сюда не проникнуть. Но, слава богу, некто, больше меня жалеющий, чем вы, оказал мне такое одолжение.

— Кто же это вас сюда привел, сударь? — спросила она.

— Поистине, сударыня, не стану от вас скрывать: такой-то сеньор (и тут он назвал того, кто угощал его ужином) направил меня к вам.

— Ах он предатель и вероломный рыцарь! — говорит она. — Вот как он надо мной издевается? Ну ладно же, ладно: придет день, когда я ему отомщу.

— Ах, сударыня, нехорошо так говорить, ибо никакой в том нет измены, чтоб удружить приятелю и оказать ему помощь и услугу, когда можешь. Вам известно, какая крепкая дружба издавна повелась между ним и мною, и ни один из нас не скрывает от приятеля того, что у него на сердце. И вот недавно я признался и исповедался в той великой любви, которую к вам питаю, и как по этой причине нет у меня в мире ни единой радости; и ежели каким ни

на есть способом не попаду я к вам в милость, то невозможно мне долго прожить в мучительных сих страданиях. Когда же добрый сеньор удостоверился, что слова мои не ложны, он, опасаясь великой невзгоды, которая могла для меня из сего проистечь, согласился поведать мне то, что у вас с ним затеялось. И предпочитает он покинуть вас и спасти мне жизнь, нежели плачевно меня загубить, оставаясь с вами. И будь вы такой, как вам следовало бы быть, вы не отказывали бы так долго в утешении и исцелении мне, вашему покорному служителю, ибо вам доподлинно известно, что я неизменно служил вам и повиновался.

— А я вас прошу, — сказала она, — чтобы вы больше со мною о том не говорили и вышли бы отсюда вон. Проклят будь тот, кто вас сюда прислал!

— Знаете что, сударыня? — сказал он. — Не в моих видах уходить отсюда до завтрашнего дня.

— Клянусь честью! — сказала она. — Вы уберетесь сейчас же.

— Разрази меня бог! Ничего такого не будет, потому что я переночую с вами.

Увидавши, что он стоит на своем и что это не такой человек, которого можно прогнать суровыми речами, она попыталась удалить его кротостью и сказала:

— Умоляю вас, как могу, на сей раз уйти, и, клянусь верой, в другой раз я исполню ваше желание.

— Ни-ни, — говорит он, — забудьте об этом и думать, ибо я здесь ночую.

И тут он начинает раздеваться, и берет даму, и целует ее, и ведет к столу; словом, добился он того, что она улеглась в постель, а он с ней рядышком.

Не успели они расположиться и преломить всего-навсего одно копые, как вдруг является добрый рыцарь на своем муле и стучит в комнату. А добрый оруженосец слышит его и тотчас узнает; тут начинает он громко ворчать, изображая собаку.

Рыцарь, услышав сие, сильно изумился и не менее того разгневался. Поэтому он снова громко постучался в комнату.

— Кто там рычит? — крикнул тот, что был на улице. — Черт подери! Я это сейчас узнаю. Отворите двери, или я их в дом внесу!

А добрая дама, вне себя от бешенства, подбежала к окну в одной сорочке и сказала:

— Ах, это вы, рыцарь неверный и фальшивый? Стучите сколько хотите. Сюда вам не войти!

— Почему же мне не войти? — спросил он.

— А потому, — говорит она, — что вы самый вероломный человек, когда-либо сходявшийся с женщиной, и недостойны быть в обществе честных людей.

— Ловко вы расписали мой герб, сударыня, — ответил он. — Не знаю только, что вас укусило. Насколько мне известно, я вам никакой измены не учинил.

— Нет, учинили, — сказала она, — да еще самую гнусную, какую когда-либо женщина испытала от мужчины.

— Нет, клянусь честью! Но скажите же мне, кто там у вас в горнице.

— Сами отлично знаете, скверный вы этакий предатель! — ответила она.

А в это самое время добрый оруженосец заворчал, как и прежде, подражая псу.

— Ах, черт возьми! — говорит тот, что на улице. — Ничего не понимаю. Неужто же я не узнаю, кто этот ворчун?

— Клянусь святым Иоанном, узнаете! — сказал оруженосец.

И с этим он вскакивает с постели и становится у окна рядом со своей дамой и говорит:

— Что вам угодно, монсьеор? Грешно вам так рано нас будить.

Добрый рыцарь, узнавши, кто с ним говорит, так ошелбенел, что просто чудо. А когда вновь заговорил, то промолвил:

— Откуда же ты взялся?

— С вашего ужина, а сюда пришел ночевать.

— Тьфу, пропасть! — сказал рыцарь; а затем отнесся с речью к даме и сказал: — Вот каких гостей вы здесь принимаете, сударыня?

— Да, монсеньор, — отвечала она, — и спасибо вам на том, что вы мне его прислали.

— Я? — сказал рыцарь. — Ничуть не бывало, клянусь Иоанном Крестителем! Я даже явился сюда, чтоб занять свое место, да, видно, опоздал. Но раз уж мне ничего другого не достается, так впустите меня хоть выпить глоток другой.

— Видит бог, вы сюда не войдете, — сказала она.

— Ан войдет, клянусь святым Иоанном! — сказал оруженосец.

И с этим он встал, и отпер дверь, и снова улегся в постель, а она — рядом с ним, бог свидетель, весьма пристыженная и раздосадованная; но впору приходилось ей повиноваться.

Когда добрый сеньор очутился в комнате и зажег свечу, то полюбовался он уютной компанией, собравшейся в постели, и сказал:

— На здоровье вам, сударыня, да и вам, мой оруженосец!

— Покорно благодарю, монсеньор, — отвечал тот.

Но красотка, которой уж до того было невмоготу, — ну вот-вот сердце из живота выскочит, — не могла вымолвить ни слова и совсем уверилась в том, будто оруженосец пришел к ней по желанию и указанию рыцаря, на коего она за это так сердилась, что и сказать невозможно.

— А кто показал вам дорогу сюда, почтенный оруженосец? — спросил рыцарь.

— Ваш мул, монсеньор, — отвечал тот. — Я застал его внизу перед замком, когда отужинал с вами; он был одинок и покинут, и я спросил его, чего он дожидается; а он отвечал, что вас и своего чепрака. «А куда лежит путь?» — спросил я. «Туда, куда каждый день ездим», — сказал он. «Я наверное знаю, — сказал я, — что хозяин твой нынче не выйдет: он пошел спать. Но свежи меня туда, куда он обычно ездит, очень тебя прошу». Он согласился, я сел на него, и он привез меня сюда, спасибо ему.

— Пошли бог черный год паскудному скоту, который меня выдал, — сказал добрый сеньор.

— О, вы это честно заработали, монсеньор, — сказала дама, когда дар речи к ней вернулся. — Я отлично вижу,

что вы надо мной измываетесь, но знайте — чести вам от того не прибудет. Ежели сами вы больше не хотели приходить, так незачем вам было присылать другого заместо себя. Плохо вас знает, кто сам вас не видал.

— Разрази меня бог! Я его не присылал! — сказал тот. — Но раз он тут, я его прогонять не стану. Да, кроме того, тут на нас двоих хватит. Не так ли, приятель?

— Совершенно верно, монсеньор, — отвечал оруженосец, — добыча — пополам. Я согласен. А теперь надо спрыснуть сделку.

И тут повернулся он к поставцу, налил вина в объемистую чашу, там стоявшую, и сказал:

— Пью за ваше здоровье, любезный сотоварищ!

— Отвечаю тем же, сотоварищ! — сказал сеньор и велел налить вина красотке, которая ни за что не соглашалась выпить, но под конец волей-неволей пригубила чашу.

— Ну, ладно, сотоварищ, — сказал благородный рыцарь, — оставляю вас здесь; работайте на славу; нынче — ваша очередь, завтра — моя, с божьего соизволения. Прошу вас, ежели застанете меня здесь, обойтись со мной столь же любезно, как я с вами.

— Так оно и будет, сотоварищ, видит меня Пресвятая Богородица! — сказал оруженосец. — Можете в том не сомневаться.

Тут добрый рыцарь удалился и оставил там оруженосца, который в ту первую ночь сделал все, что мог. А затем он объявил даме всю как есть правду о своем приключении, чем она оказалась несколько более довольна, чем ежели бы рыцарь его прислал.

Вот так-то, как вы слышали, была дама обманута мулом и принуждена подчиниться и рыцарю, и оруженосцу, каждому в свой черед, к сему она в конце концов привыкла и несла крест со смирением. Но хорошо во всем этом деле было то, что ежели рыцарь и оруженосец крепко любили друг друга до вышесказанного приключения, то любовь между ними удвоилась после сего случая, который у других, менее разумных, вызвал бы распрю и смертельную ненависть.

НОВЕЛЛА XXXVII

Рассказана монсеньором де ла Рош

Покуда другие будут думать и вызывать в памяти какие-либо происшедшие и случившиеся события, годные и подходящие для присовокупления к настоящему повествованию, я расскажу вам в кратких словах, как был обманут в нашем королевстве самый ревнивый в свое время человек. Я готов верить, что он не один запятнан был этим недугом, но так как у него сие проявлялось свыше положенной меры, то не могу не оповестить вас о забавной шутке, которую с ним сыграли.

Добрый тот ревнивец, о коем я повествую, был превеликим историком, то есть много видал, читал и перечитывал всяких историй. Но конечная цель, к коей устремились его усилия и изыскания, была в том, чтобы узнать и изучить, чем и как и какими способами умеют жены обманывать мужей. И, слава богу, древние истории, как-то: «Матеолэ», «Ювенал», «Пятнадцать радостей брака» и многие другие, коим я и счета не знаю, упоминают о разнообразнейших хитростях, подвохах и надувательствах, в брачном состоянии совершенных. Наш ревнивец с этими книгами не расставался и не менее был к ним привязан, нежели шут к дубинке. Всегда он их читал, постоянно изучал, и из этих же книг для себя сделал небольшое извлечение, в коем содержались, значились и отмечались многие виды надувательства, выполненные по почину и по наущению женщин над особами их мужей. А сделал он это на тот предмет, чтобы быть лучше защищенным и осведомленным в случае, ежели его жена, не ровен час, захотела бы воспользоваться ухищрениями, подобными помеченным и перечисленным в его книжке.

Жену свою сторожил он так бдительно, ну прямо как ревнивый итальянец, но и при этом не был совсем уверен: настолько сильно захватил его проклятый недуг ревности.

В таком-то положении и приятнейшем состоянии прожил сей добрый человек года три-четыре со своею супругой, которая только тем и развлекалась, только так и избавлялась от дьявольского его присутствия, что ходила в

церковь и из церкви в сопровождении змеюки-служанки, к ней для наблюдения приставленной.

Некий веселый молодец, прослышав молву о таком обращении, повстречал однажды добрую даму, которая была и любезна, и собой хороша на славу. Тут он отменнейшим образом изложил ей, как мог, доброе свое желание ей служить, сожалея и сетуя из любви к ней о жестокой судьбине, приковавшей ее к величайшему ревнивцу, какого носит земля, и добавляя на придачу, что она — единственная живая женщина, ради коей он на многое готов.

— А поскольку здесь не могу ни высказать, как я вам предан, ни сообщить много других вещей, коими вы, надеюсь, будете не иначе как довольны, то, ежели позволите, я все изображу на письме и завтра вам передам, умоляя, чтобы смиренная моя судьба, от чистого и недвуличного сердца исходящая, не была отвергнута.

Она охотно сие выслушала, но из-за присутствия Опасности, слишком близко находившейся, ничего не ответила. Все же она согласилась прочитать письмо, когда его получит.

Влюбленный простился с нею, сильно и небеспричинно обрадованный. А дама, по своему обычаю, мило и ласково его отпустила. Но старуха, ее сопровождавшая, не преминула спросить, что за разговор был у нее с только что удалившимся человеком.

— Он привез мне, — ответила дама, — весточку от матери, а я обрадовалась, ибо матушка моя — в добром здравии.

Старуха больше не расспрашивала, и они пришли домой.

Кавалер же на следующее утро, захвативши письмо, бог знает как ловко сочиненное, постарался встретить свою даму и так быстро и шустро вручил ей послание, что стража в образе старой змеюки ничего не заметила. Письмо было вскрыто той, которая охотно его прочитала, когда осталась одна. Суть послания вкратце сводилась к тому, что он захвачен любовью к ней и что нет для него ни единого радостного дня, пока не представится ему время и возможность попространнее ей все изъяснить, а в заключение он умолял, чтобы она по милости своей соизволила

назначить ему подходящий день и место, а также любезно дала и ответ на сие письмо.

Тогда она составила послание, в коем весьма отказалась, желая-де содержать в любви лишь того, кому она обязана верностью и неизменностью. Тем не менее, однако, раз он из-за нее столь сильно охвачен любовью и она ни за что не хотела бы, чтоб он остался без награды, то она охотно согласилась бы выслушать то, что он хочет ей сказать, ежели бы то было возможно или мыслимо. Но, увы, это не так: столь крепко держит ее при себе муж, что и на шаг не отпускает от себя, разве только в час обедни, когда она идет в церковь, охраняемая, и более чем охраняемая, самой поганой старухой, какая когда-либо досаждала добрым людям.

Этот наш веселый молодец, совсем иначе и роскошнее одетый, чем накануне, вновь встретил свою даму, которая сразу его узнала, и, пройдя довольно близко от нее, принял из ее рук вышеизложенное письмо. Не диво, ежели ему не терпелось узнать его суть. Он свернул за угол и там на досуге и вольной воле увидел и узнал положение своего дела, которое, по всей видимости, было на мази. Посему заключил он, что не хватает ему только удобного места, чтобы довести до конца и завершения похвальное свое намерение, а для исполнения оно не переставал он думать и размышлять денно и ночью, как бы ему сие провести. В конце концов пришла ему на ум хорошая уловка, достойная вековечной памяти.

Он отправился к некой доброй своей приятельнице, жившей между домом его дамы и церковью, в которую та ходила. И этой приятельнице рассказал он безо всякой утайки про свою любовь, прося, чтобы в такой крайности она ему помогла и пособила.

— Ежели я что могу для вас сделать, то не сомневайтесь, постараюсь от всего сердца.

— На том вам спасибо, — сказал он. — А согласитесь ли вы, чтобы она пришла сюда со мною побеседовать?

— Ну что ж, — сказала та, — ради вас соглашусь охотно.

— Хорошо, — говорит он, — если сумею отслужить вам такую же службу, и будьте уверены, что не забуду вашей любезности.

И не успокоился до тех пор, пока не отписал своей даме и не вручил письма, в коем значилось, что «так, дескать, я упробил такую-то великую свою благоприятельницу, женщину честную, верную и неболтливую, которая и вас хорошо знает и любит, что она предоставляет нам свой дом для разговора. И вот что я придумал. Завтра я буду стоять в верхней комнате, что выходит на улицу, а подле себя поставлю большое ведро с водой, испачканной сажеей, и опрокину то ведро на вас, когда вы мимо будете проходить. Сам же я буду так перережен, что ни ваша хрычовка, ни другая живая душа меня не опознает. Когда же вы будете так разукрашены, то сделаете вид, будто опешили, и убежите в дом, а Опасность свою ушлете за новым платьем. Пока она сбегает, мы побеседуем».

Коротко вам сказать, письмо было вручено, и от дамы пришел ответ, что она согласна. Вот настал оный день, и была та дама из рук своего рыцаря облита водою и сажеей, так что убор на голове, платье и прочая одежда перепачкалась и насквозь промокла. И бог свидетель, что она отлично притворилась изумленной и сердитой. И в таком облачении бросилась она в дом, будто не чая встретить там знакомых. Едва увидела она хозяйку, как принялась сетовать на свое злоключение, оплакивая то убор, то платье, то косынку; словом, послушать ее, так подумаешь, что конец мира настал. А служанка ее, Опасность, в бешенстве и волнении держала в руках нож и пыталась, как могла, отскрести грязь с платья.

— Нет, нет, милая! Это напрасный труд: этого так сразу не очистишь; все равно сейчас ничего стоящего не сделаете; нужно мне новое платье и новый убор — другого лекарства нет. Ступайте же домой и все принесите; да, смотрите, поторопитесь, а то мы в придачу ко всем невзгодам еще и обедню пропустим.

Старуха, видя, что дело это необходимое, перечить госпоже не посмела: сунула платье и убор под плащ и пошла домой. Не успела она повернуть спину, как госпожу ее проводили в горницу, где поджидал поклонник, с радостью увидевший ее простоволосой и в исподней юбке.